

Д. С. Гречко

К вопросу о взаимоотношениях населения Степи и Лесостепи юга Восточной Европы в конце V—IV вв. до н. э.

Одной из важных проблем современного скифоведения является вопрос о присутствии номадов на территории восточноевропейской Лесостепи и их взаимоотношения с местным земледельческим населением. Долгое время исследователи были разделены на два «лагеря». Сторонники первого считали, что в лесостепной зоне жили нескифские племена, в то время как скифы занимали степи Северного Причерноморья [1, с. 39–93; 2, с. 3–38]. Представители второго — отстаивали идею единой Скифии и существования общей скифской культуры на юге Восточной Европы [3, с. 17–18].

Новый подход к изучению данного вопроса начал разрабатываться в 80-е гг. XX в. Он был направлен на поиск критериев выделения погребений кочевников в Лесостепи, выяснения динамики их проникновения в регион, а также установление характера взаимоотношения с аборигенным населением. Его родоначальником может считаться М. И. Ростовцев [4, с. 76]. Данное направление в последние десятилетия получило значительное число сторонников [5, с. 36–49; 6; 7; 8, с. 124–126; 9, с. 148–160; 10, с. 116–131; 11].

Исследования некрополя у с. Гришковка на Харьковщине имели важное значение для понимания этнокультурной истории северскодонецкой Лесостепи в V—IV вв. до н. э. Открытие однородного во всех отношениях комплекса степного типа позволило усомниться во многих устоявшихся мнениях (о независимости местного населения в это время от степняков и др.) и по-новому оценить этнический подтекст значительной группы погребений региона. При сборе информации о близких синхронных некрополях юга Восточной Европы оказалось, что данное явление имело широкое географическое распространение и должно найти объяснение, исходя не из региональных разработок, а на фоне развития всей Скифии.

О погребальных сооружениях населения Степи V—IV вв. до н. э.

Важным является вопрос о соотношении синхронных захоронений в ямах и катакомбах. Вопросы происхождения скифского обряда погребения в катакомбах детально разобраны В. С. Ольховским [12, с. 38].

Погребения в ямах и катакомбах под одной насыпью хорошо известны в элитных скифских курганах, где первые принадлежали зависимым лицам. В некрополях рядового населения часто фиксируется параллельное использование данных типов погребальных сооружений (Мамай-Гора, к. 69, 72, 81) [13, с. 84–88, 93–97, 108–109], хотя процентное соотношение различно. Хорошо известны беднейшие захоронения и в ямах и катакомбах (или подбоях), что не позволяет говорить о влиянии социальных различий при выборе погребального сооружения. Анализ данных антропологии позволил

З
Д
Т
С

говорить исследователям о том, что захороненные в скифских элитных курганах были выходцами из той же среды, что и рядовые скифы, хотя, очевидно, относились к разным родовым группам [14, с. 482]¹.

Важное значение, безусловно, имели религиозные представления скифов и их взгляд на загробную жизнь. До сих пор семантике традиции погребения в катакомбе у скифов не уделялось достаточного внимания. Данная тема хорошо разработана в работах исследователей культур эпохи бронзы. Смысл катакомб трактуется по-разному [15, с. 200]. Наиболее реалистичной гипотезой нам представляется мнение А. Н. Гея, который считает, что катакомбная конструкция является следствием эволюционного развития характерной для новотиторовской культуры Степного Прикубанья ямы с заплечиками [16]². Эта эволюция происходила в процессе формирования «...идеи соответствия могильного сооружения (ямы/катакомбы) заупокойному жилищу-повозке, углубленной жилой “повозке для сна и отдыха” живых» [18, с. 78–113]. Оригинальным является и предположение, что шкуры мелкого рогатого скота с черепами и костями ног были символом животных, тянущих повозку.

Данное определение семантической нагрузки захоронения в катакомбе находит подтверждения в погребальном обряде скифов. О сожжении повозки с прорицателями, запряженной волами сообщает Геродот [Herod., IV, 69]. С. С. Бессонова аргументированно соотнесла данный пассаж с разновидностью погребального обряда путем сожжения повозки вместе с животными, которые должны ее переправить в царство мертвых [19, с. 24]. Находки колес повозок и захоронений лошадей в дромосах или возле них хорошо известны в большинстве погребений скифской элиты в Степи. Интересно, что захоронения в столбовых камерных захоронениях V в. до н. э. с размещением коней в дромосах (Журовка, Скифская могила и др.), вероятно, не отличались по заключенной в них смысловой нагрузке от аналогичных катакомбных могил IV в. до н. э. Это позволяет предполагать местное развитие погребальных традиций царских скифов в V—IV вв. до н. э. и идентичность этнокультурной принадлежности захороненных в разных типах погребальных сооружений. В данном контексте мы можем лишь предположить, что ямы в Степи в IV в. до н. э. использовались в основном рядовым населением, которое вступило на путь седентеризации в результате их вытеснения более мощными кочевыми родами скифов (вероятно, царских) из районов Нижнего Днепра³. Элитные захоронения совершались исключительно в престижных для кочевника катакомбах (кроме, курганов Крыма).

На основании анализа погребального обряда скифских захоронений Степи В. С. Ольховским было выделено 14 локальных групп, большинство из которых было объединено в четыре локальных варианта: Днепро-Бугский (Поднепровская, Буго-Ингульская, Ингулецкая, Ягорлыцко-Каланчакская группы), Днестро-Дунайский (Поднепровская и Подунайская группы), Нижнедонской и Крымский. Северостепная, Приазовская и Приольвийская группы не вошли ни в один локальный вариант. В Поднепровской группе исследователь отмечал своеобразие могильников Кичкасского типа в Надпорожье и то, что в ней сконцентрировано большинство курганов скифской

¹ В некоторых археологических культурах параллельное существование некрополей с ямным и катакомбным обрядом, является проявлением этнических различий. Например, раннесредневековый Верхнесалтовский катакомбный могильник (аланы), и Нетайловский ямный могильник на другом берегу Северского Донца (праболгары).

² Грунтовые ямы со ступеньками (заплечиками?) А. А. Бобринский считал переходными к катакомбам [17, с. 59]. В. Г. Петренко считает, что данный тип погребального сооружения складывается под влиянием катакомб и являлся местным переосмыслением катакомбы [20, с. 64].

³ По сути, речь идет о захвате лучших пастбищ более сильными кочевыми общинами [21, с. 327; 22, с. 153].

знати, что, вероятно, свидетельствует о проживании на данной территории скифов царских [12, с. 167].

Широтно ориентированные погребения в ямах получили значительное распространение в степях Северного Причерноморья [12, с. 17, табл. 3–4]. В. С. Ольховский отметил, что погребения в ямах лучше соотносятся с захоронениями V в. до н. э., чем те, что совершены в катакомбах [12, с. 103].

Выделяются места в Степи, где широтных погребений в ямах наибольшее количество. Это северостепная, придунайская, поднеэтровская, нижнедонская, западнокрымская, и присивашская локальные группы [12, с. 167–168; 23, с. 55; 24, с. 12–13, 23]. Значительная часть захоронений, которые близки гришковским, зафиксирована в могильнике Мамай-Гора. В Днепровском Надпорожье аналогичные захоронения зафиксированы в Вольнянских курганах (Ясиноватое 1–2) [25, с. 6–37]. На территории Нижнего Днепра аналогичные захоронения исследованы в Великознаменских курганах [26, с. 14–16, 81].

Кроме того, можно выделить несколько регионов восточноевропейской Лесостепи, где подобные гришковским захоронения образуют компактные группы (рис. 1). Это, в первую очередь, лесостепное Днепровское Правобережье [20; 27, с. 40; табл. 7], лесостепное Побужье [28, с. 30], террасовая Лесостепь [29], северскодонецкая Лесостепь [30].

Если картографировать данные группы, то хорошо заметно, что они окружают по периметру Нижнеднепровский регион, где концентрируются захоронения скифских царей и элиты, а погребения в катакомбах абсолютно преобладают.

Об элитных захоронениях Лесостепи скифского времени

Конструкция погребальных сооружений знати Лесостепи сильно отличается от степных. Это обусловлено наличием большого количества древесины и традициями местного земледельческого населения, которое, вероятно, и сооружало данные курганы [8, с. 127]. Сооружение деревянных гробниц В. С. Ольховский связывал с домостроительными традициями лесостепного населения [31, с. 88]. Сохранение этнической основы земледельческого населения на протяжении скифского времени могло обусловить сохранение традиции сооружения деревянных камерных гробниц. В пользу данного предположения свидетельствуют факты принятия пришлым населением местных типов погребальных сооружений, которые больше обусловлены природно-хозяйственными факторами [19, с. 26]. Общепризнанным является тот факт, что скифами использовались разные типы погребальных сооружений. Это позволяет вспомнить мнение С. С. Бессоновой, что тип погребальных сооружений относится к числу наименее надежных этнодифференцирующих признаков [19, с. 26]. Зачастую тип погребального сооружения отражал и отражает в большей степени социальный статус покойника, а не его этническую принадлежность [32, с. 9]. Очень перспективным нам кажется мнение М. А. Швецова, что этническую нагрузку несут не главенствующие признаки (погребальное сооружение, поза, ориентировка), а второстепенные с виду признаки или микродетали погребального ритуала (набор погребального инвентаря, характер мясной пищи, их размещение в могиле, ассортимент украшений и др.) [33, с. 178].

Кроме типа погребального сооружения, все остальные характеристики сближают лесостепные элитные захоронения в камерных деревянных погребениях V–IV вв. до н. э. со степными. В погребении № 1 кургана 18 и кургане 25 Песочинского могильника был зафиксирован обычай втыкания оружия в дно могилы [34, с. 62]. На близость захороненных у с. Старый Мерчик степнякам указывают и данные антропологии [35, с. 86].

В аналогичном ключе камерные гробницы Среднего Дона рассматривает и В. И. Гуляев, связывая большинство погребальных традиций с погребальной обрядностью Степной Скифии. Родство идеологических и экономических основ со степными скифами, позволило исследователю высказать мнение о вхождении населения Среднего

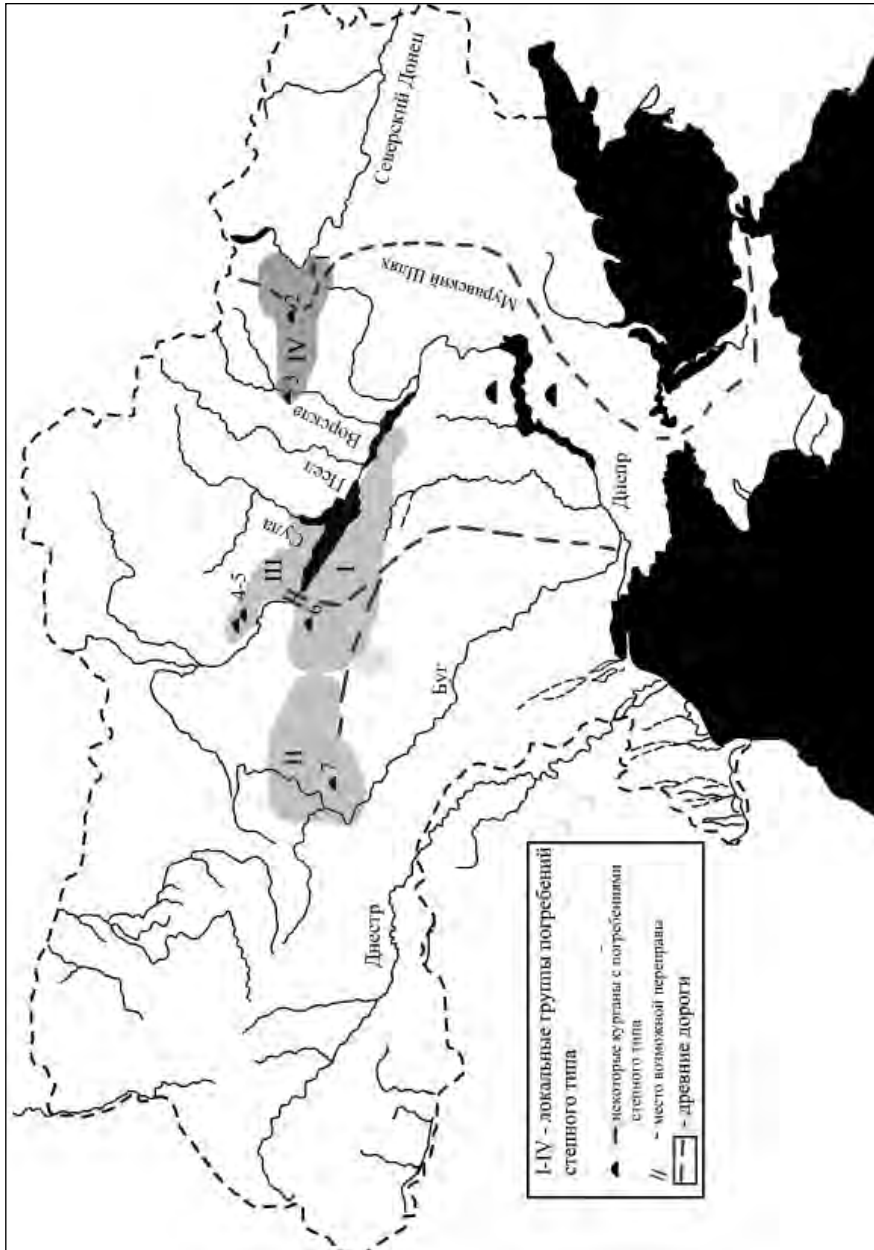

Рис. 1 Локальные группы погребений степного типа V–IV вв. до н.э. восточноевропейской Лесостепи

I – лесостепная правобережная группа; II – лесостепная побужская группа; III – приднепровско-террасовая (бориспольская) группа; IV – северскодонцево-ворсклинская группа. 1 – Гришковка; 2 – хут. Покровский и Настельный; 3 – Бельск, некрополь Б; 4–5 – Подолье, Старое и др.; 6 – Медвин; 7 – Новооселка

Fig. 1. Local groups of the burials of the steppe type of the Eastern Europe forest-steppe dated from V–IV cen. BC:

I – the forest-steppe right bank group; II – the forest-steppe Bug District; III – the Dnepr-Tarasovsky (Borispol'sky) group; IV – the Seversky Donets-Vorskla group; 1 – Grishkivka; 2 – Pokrovsky and Nastelny hutors; 3 – Belsk, necropolis B; 4–5 – Podolia, Staroe, and others; 6 – Medvin; 7 – Novosjolka

Дона в V—IV вв. до н. э. в состав единой Скифии, занимавшей просторы Степи и Лесостепи Северного Причерноморья [36, с. 16].

В северскодонецкой Лесостепи отсутствуют могильники, которые бы функционировали на протяжении всего скифского времени. Все некрополи, которые будут функционировать в позднескифское время, возникли на новых местах во второй четверти V в. до н. э. Все это позволяет согласиться с Л. И. Бабенко о приходе нового населения в регион [34, с. 196]¹, однако с оговоркой, что исходной точкой миграции была не Лесостепь, а Степь. Соответственно при этническом определении лесостепной элиты V—IV вв. до н. э. нас не должен смущать тип погребального сооружения. Отсутствие элитных катакомб в Крыму ни чуть не мешает исследователям правомерно соотносить погребения в Нимфейских курганах, курганах Дорт-Оба и Талаевском со скифами. Весомую роль играла и структура почвы [38, с. 158] и строительные традиции местного, вероятно, подчиненного оседлого населения.²

Погребения степного типа Лесостепи V—IV вв. до н. э.

Значительное количество захоронений степного типа в северскодонецкой Лесостепи позволяет их объединить в локальную группу (рис. 2–3) [30]. Данная группа памятников по своим характеристикам наиболее близка Северостепной, Поднепровской, Нижнедонской группам [12, с. 167–168]. В Лесостепи захоронения степного типа IV в. до н. э. неизвестны в Посулье и Попселье. В бассейне Ворсклы подобные погребения известны в могильниках у хут. Покровский и Настельный [39; 40, с. 16–17]. Захоронение в широтно ориентированной яме и катакомбе третьей четверти IV в. до н. э. известно в некрополе Б на территории Большого Бельского городища (рис. 4) [41, с. 80]. Интересно отметить, что в окрестностях Бельского городища, кроме вышеупомянутых погребений, захоронения второй половины IV в. до н. э. отсутствуют. Вполне вероятно, что появления захоронений степного типа и прекращение функционирования Бельских некрополей явления взаимосвязанные. В целом, ворсклинские погребения степного типа территориально тяготеют к значительно более многочисленным аналогичным памятникам северскодонецкой Лесостепи, которые расположены вблизи Муравского Шляха, что позволяет их условно объединить в одну группу — «северскодонецко-ворсклинскую». На территории Среднего Дона широтно ориентированные ямы IV в. до н. э. также известны [42, с. 6, 14; 43, с. 55–67].

На сегодня в Лесостепи можно выделить локальные группы погребений степного типа V—IV вв. до н. э. (рис. 1).

Первая группа занимает территорию Днепровского лесостепного Правобережья к югу от р. Рось, включая Поросье. Представлена значительным количеством могильников

¹ Погребений V в. до н. э. в Посульских некрополях не меньше, чем в других регионах юга Восточной Европы. Это хорошо заметно на картах распространения комплексов с предметами конского снаряжения ранне- и среднескифского времени [37, с. 428; рис. 194]. Заметное затухание данных могильников относится уже к IV в. до н. э. Немногочисленны в Посулье и захоронения второй половины VI в. до н. э., поэтому правомернее было этим временем, а не следующим столетием, датировать отток населения из данного региона на восток, однако это не подтверждается конкретным археологическим материалом.

² При сооружении сырцовых гробниц Нимфейских курганов были использованы, несомненно, греческие строительные приемы [12, с. 49], поэтому мы не можем исключать участия эллинов при строительстве погребальных сооружений. Возможно их участие также в строительстве каменных гробниц в скифских курганах Крыма. В данном русле легко объяснимо сооружение деревянных камерных погребений для скифов населением Лесостепи. Катакомбы для скифов-царских, вероятно, сооружали рядовые скифы. На Среднем Днестре каменные гробницы для кочевников, вероятно, также сооружали местные земледельцы.

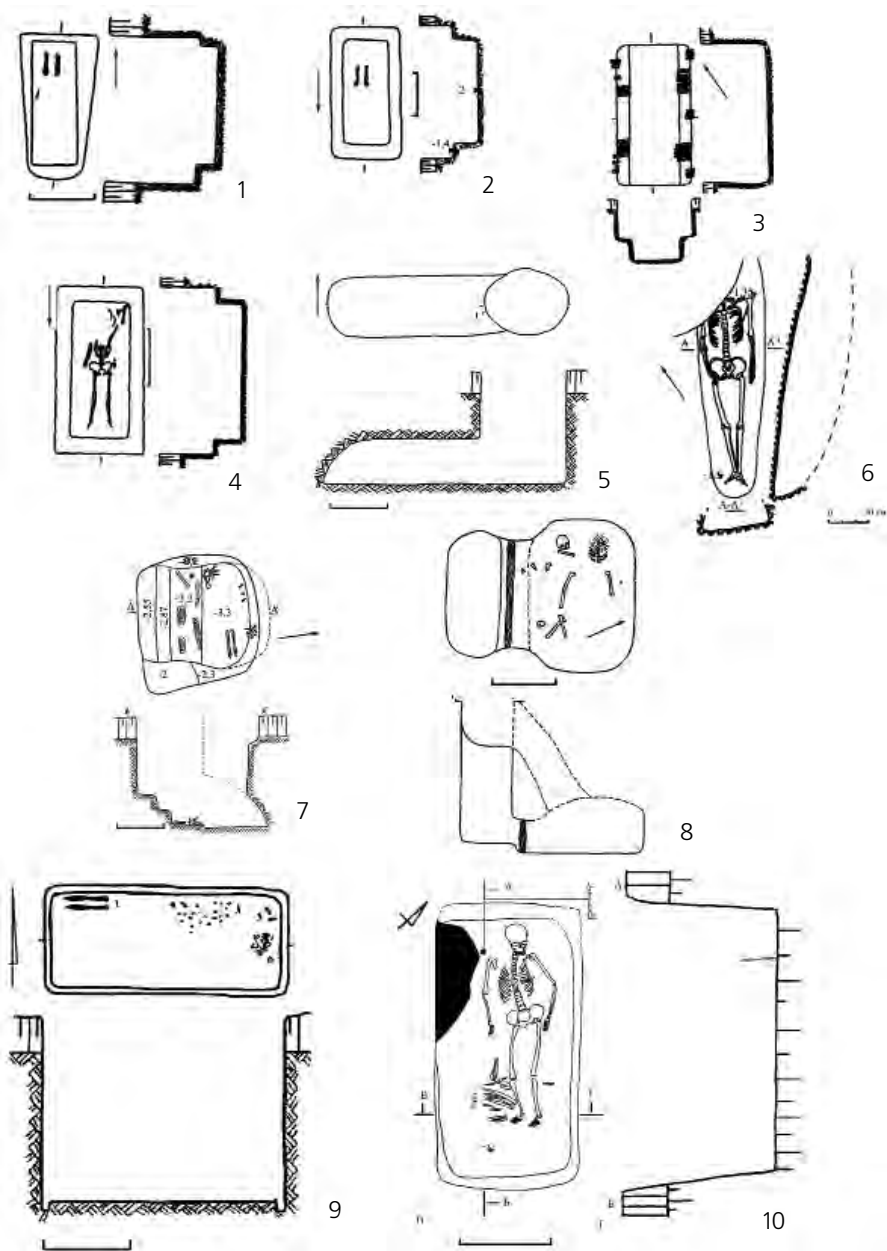

Рис. 2. Погребения степного типа V–IV вв. до н. э. северскодонецкой Лесостепи:

1 – Паньковка, курган № 1; 2 – Гиївка, нижнегийовская группа, курган № 2; 3 – ур. Соломаховка, курган № 18; 4 – Быстроє-2, курган № 1; 5 – Песочин, курган № 28; 6 – Коротич; 7 – Родной Край; 8 – Новый Мерчик; 9 – Песочин, курган № 16; 10 – Гришковка, к. 25/1. По: Бандуровському, Ю. В. Буйнову [61]; Л. И. Бабенко [34]; В. С. Аксенову, Л. И. Бабенко [64]; Б. А. Шрамко, Ю. Н. Бойко [65]

Fig. 2. The burials of the steppe type of the Seversky Donets forest-steppe dated from V–IV cen. BC:

1 – Pankovka, barrow № 1; 2 – Gijovka, the nizhnegijovsky group, barrow № 2; 3 – Solomahovka hole, barrow № 18; 4 – Bystroje-2, barrow № 1; 5 – Pesochin, barrow № 28; 6 – Korotich; 7 – Rodnoj Kraj; 8 – Novyj Merchik; 9 – Pesochin, barrow № 16; 10 – Grishkovka, quadrate 25/1. Sources: Bandurovsky, A. & Bujnov, Y. [61]; Babenko, A. [34]; Aksjonov, V. & Babenko, A. [64]; Shramko, B. & Vojko, Y. [65]

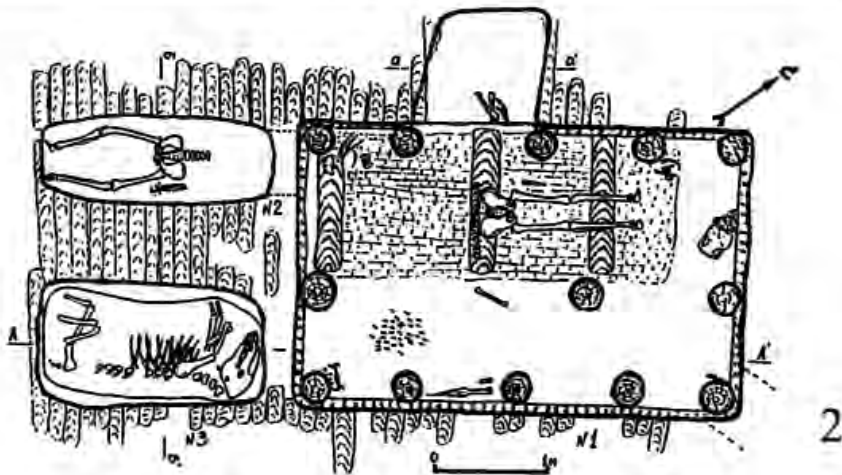
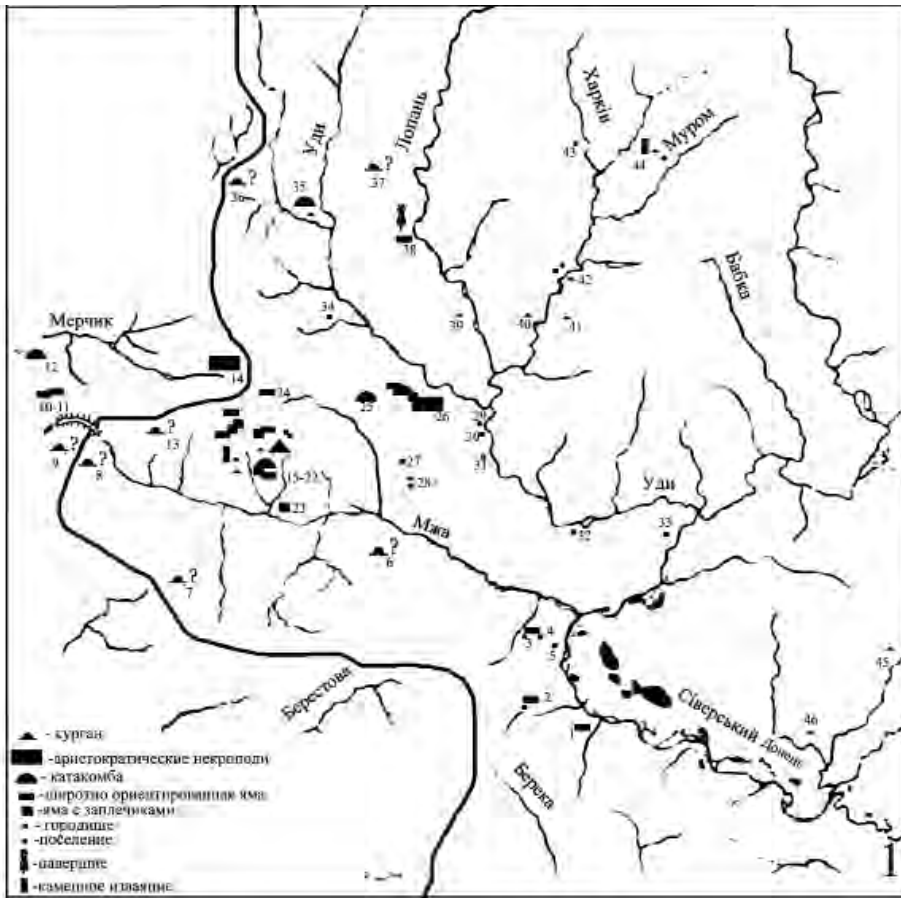

Рис. 3. Карта памятников позднескифского времени северскодонечской Лесостепи (1) и погребение в кургане 2 Малой Рогозянки 1. По: Д. С. Гречко [30]; А. В. Бандуровському, Ю. В. Буїнову [61]

Fig. 3. Map of the Late Scythian sites of the Seversky Donets forest-steppe (1) and the burial in barrow № 2 located in Malaja Rogozjanka 1. Sources: Grechko, D. [30]; Bandurovsky, A. & Bujnov, Y. [61]

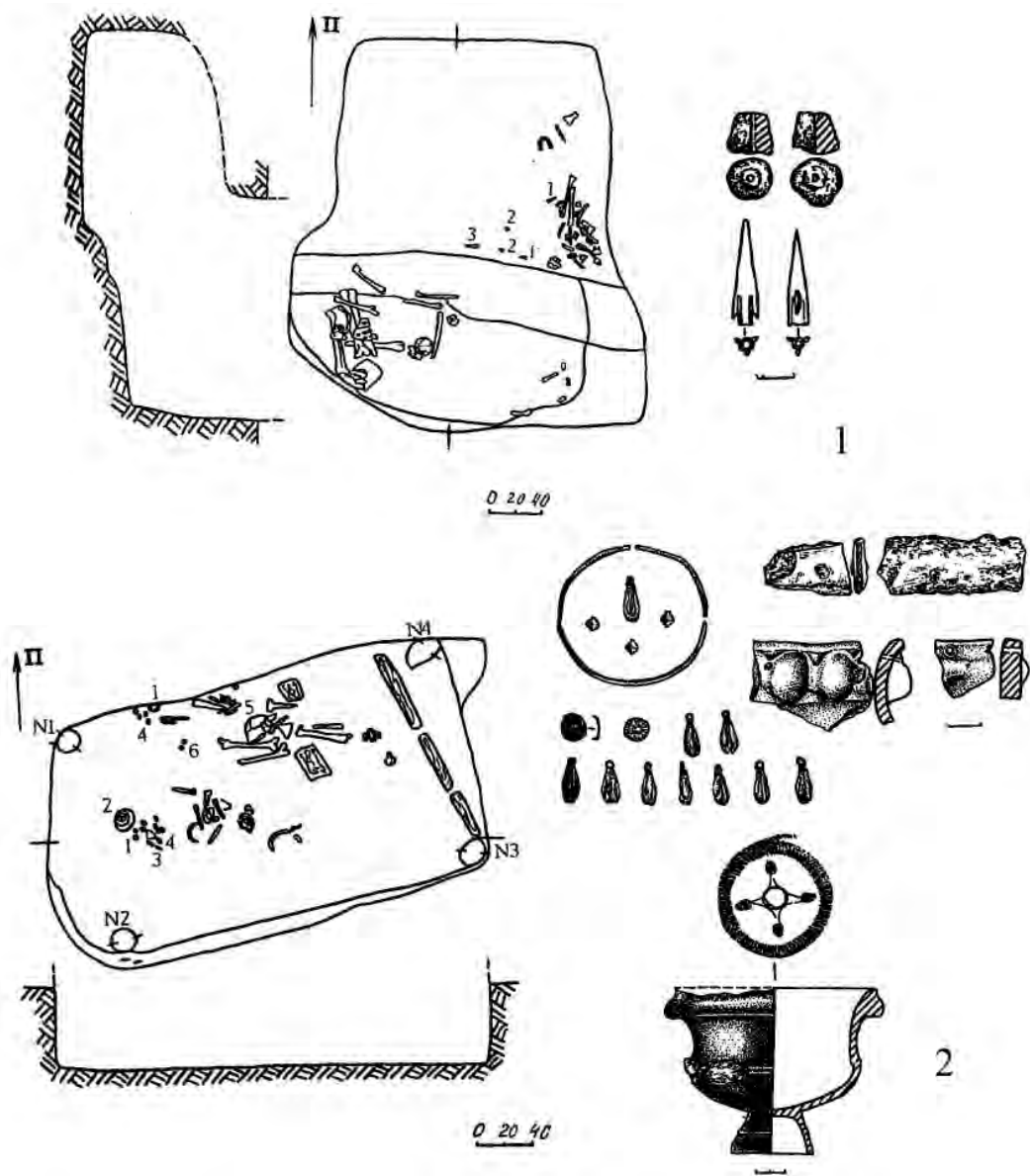

Рис. 4. Погребения Бельского некрополя «Б»:

1 – курган № 3; 2 – курган № 4. По: В. П. Мурзин, Р. Ролле, С. А. Скорий [41]

Fig. 4. The burials located in the Belsk necropolis "B":

1 – barrow №3; 2 – barrow №4. Source: Murzin, V., Rolle, R., & Skoryj, S. [41]

СТАТЬИ

и отдельных погребений. Представлены захоронения и в ямах, и в катакомбах (около 17 %) ([27, с. 43; 7, с. 84].

Вторая группа — лесостепное Побужье. Абсолютно преобладают ямы. Катакомбы неизвестны [28, с. 28–30]. Границы данной группы расплывчаты. С. С. Бессонова указывает на соответствие погребального обряда восточноподольских курганов лесостепному правобережному варианту [28, с. 30]. Исследователи проводили восточную

границу Восточноподольской группы по Горному Тикичу, Ятрани и Синюхе [28, с. 4]. Однако, наличие скифских курганов в верховьях (р. Роська), в среднем течении Роси и в бассейнах Гнилого и Горного Тикича указывают на отсутствие разрыва между группами, что позволяет допускать объединение первой и второй групп погребений степного типа V—IV вв. до н. э. Стоит отметить и отсутствие на юге границы с погребениями степного Побужья. На близость некоторых типов погребальных сооружений курганов лесостепного и степного Побужья указывала С. С. Бессонова (с. Каменная Балка, Лиманцы, Варваровка на территории Николаевской области) [28, с. 11].

Третья — Приднепровская террасовая Лесостепь (курганы фактически сконцентрированы у Борисполя). В равной степени представлены и ямы и катакомбы. Во втором кургане у с. Подолье под одним курганом зафиксировано захоронение и в яме, и в подбое [29, с. 29, рис. 6, 2–5].

Четвертая — уже упомянутая северскодонецко-ворсклинская. По аналогии со второй и четвертой группами может быть предварительно выделена и пятая — среднедонская. В данном регионе наряду с погребениями знати в камерных гробницах, представлены захоронения обычных воинов в широтно ориентированных ямах, которые ничем не отличаются от аналогичных скифских.

В Самаро-Орельском междуречье [44, с. 115] и в пределах степной полосы Донецкой, Луганской и Харьковской областей погребения IV в. до н. э. фактически отсутствуют [38, с. 94]. Причины данного явления точно не устанавливаются. Возможно, данная территория, которая отделяет северскодонецко-ворсклинские памятники от Северостепной группы, использовалась лишь для транзита (по ней проходил Муравский Шлях), а ее природно-климатические условия были не благоприятными для постоянного ведения хозяйства. В целом, заметно тяготение групп памятников к водным источникам. Показательным является принадлежность Великому Луга скифам царским, которые вытеснили менее привилегированные и рядовые общины скифов на периферию, либо заставили их служить себе.

Была ли Лесостепь завоевана скифами?

Данная тема является дискуссионной [подробнее см. 45, с. 24; 6, с. 67; 34, с. 198]. С. А. Скорый выделил три основные версии о взаимоотношениях скифов-кочевников и населения Лесостепи. Первая — это подчинение лесостепных племен северопричерноморскими номадами в VII—VI вв. до н. э. (А. И. Тереножкин, В. А. Ильинская, Н. М. Бокий, В. Ю. Мурзин, А. М. Хазанов, А. И. Мелюкова, В. Г. Петренко). Вторая версия — отрицание подчинения лесостепных племен Днепро-Донской Лесостепи степнякам (Б. А. Шрамко А. П. Медведев, Л. И. Бабенко¹). Третью версию выдвинул С. А. Скорый [6, с. 67]² — вхождение южной части Правобережной Лесостепи в V—IV вв. до н. э. в рамки северопричерноморской Скифии, воинские подразделения которой смогли сломить сопротивление лесостепных дружин (потомков скифов, которые в раннескифское время переселились из Прикубанья и Северного Кавказа).

Главными аргументами против признания покорения степняками Днепро-Донской Лесостепи являются якобы расцвет поселенческих структур земледельческого населения в V—IV вв. до н. э. и продолжение использования лесостепной элитой типов погребальных сооружений, которые были характерны для номадов раннескифского времени [8, с. 126; 33, с. 199]. При этом исследователи соглашаются с тем, что в это время Правобережная Лесостепь входит в состав Скифии. Л. И. Бабенко отмечает, что в северскодонецком регионе в это же время наблюдается противоположная картина,

¹ Л. И. Бабенко не исключает мягких форм зависимости от степняков [34, с. 200].

² Близкой точки зрения о вхождении населения Лесостепи в орбиту скифского влияния в V в. до н. э. придерживаются Ю. Г. Виноградов, Я. В. Доманский, К. К. Марченко и Ю. А. Виноградов [46, с. 23; 47, с. 149].

а все поселения и городища продолжают существовать до конца скифской эпохи [34, с. 199]. Данное утверждение на сегодня не может быть принято. В данный период происходит резкое сокращение количества поселений и городищ [30, с. 98].

В позднескифское время возникает ряд городищ-убежищ, которые не имеют культурного слоя (Мохнач, Водяное, Хорошевское, Яковлевское, Чернецкий Яр, Закозаровское (?))¹. Здесь стоит отметить, что подобный тип укреплений неизвестен в Лесостепи в VII—VI вв. до н. э. Строительство подобных укреплений и появление значительного числа погребений степного облика могут рассматриваться как взаимосвязанные явления. А. П. Медведев уже отмечал связь больших городищ без признаков постоянного обитания или же со слабонасыщенным культурным слоем с хозяйственно-культурным типом лесостепных номадов [8, с. 62].

Исследования свидетельствуют о практически полном прекращении использования городищ у с. Полковая Никитовка, Люботинского, Червонососовского и Караванского. Лишь Циркуновское городище, расположенное на северо-восточной окраине группы, активно используется земледельческим населением [48, с. 148]. В этот период прекращают свое функционирование практически все поселения со значительным количеством мощных зольников. К позднескифскому времени происходит некоторое изживание традиции сооружения зольников, что выразилось не только в уменьшении их размеров, но и, что немаловажно, в значительном уменьшении содержания золы в культурном слое (поселение Островерховка и Проходнянское I) [49, с. 279]. Укрепления в ур. Городище и Коробовы Хутора наиболее активно функционируют в V—IV вв. до н. э., но, судя по планировке и находкам, они, вероятно, использовались местными полукочевниками как зимовники.

Как мы видим, ситуация в северскодонской Лесостепи очень похожа на ту, что сложилась в Правобережной Лесостепи.

В бассейне Ворсклы также поселения и городища V—IV вв. до н. э. крайне немногочисленны по сравнению с раннескифским временем. В конце первой трети V в. до н. э. по непонятным причинам прекращает использоваться Западное укрепление Бельского городища, а в непосредственной близости возникает Перещепинский дружинный некрополь. Все это не выходит за рамки процессов, происходивших в это время в Северном Причерноморье, а именно появление нового многочисленного кочевого населения в Степи и активизация давления на греческих колонистов и население Лесостепи [47, с. 149].

Несколько отличаются от ситуации в Днепро-Донецкой Лесостепи археологические реалии на Среднем Дону. В данном регионе большинство городищ, поселений и курганов относится к концу V—IV вв. до н. э. [8, с. 55]. В данном случае нет прямых аргументов для констатации вхождения среднедонского региона в состав Скифии. Хотя, стоит отметить, что в данном регионе и не существовало значительного количества поселений и городищ VI — начала V вв. до н. э., на которых бы отразилось обострение этнокультурной ситуации на юге Восточной Европы. Наоборот, массовое заселение Среднего Дона в V в. до н. э. и кризис поселенческих структур в Днепро-Донецкой Лесостепи, вероятно, явления взаимосвязанные. Кроме того, нельзя не отметить тот факт, что, за исключением к. 8 Частых Курганов, в котором перекрытие могилы поддерживали 5 столбов [50, с. 33], все среднедонские погребения V в. до н. э. совершены в обычных грунтовых ямах прямоугольной в плане формы (Частые Курганы, к. 10, 12, 31, 37–39) [51, с. 12, 15, 18–22], а не в столбовых деревянных гробницах с дромосами или без них. Здесь, вероятно, мы имеем дело с этапами освоения региона. Вначале погребения, за редким исключением, совершались в простых погребальных сооружениях. Позднее, после адаптации к местным условиям и упорядо-

¹ Важно отметить, что в Днепровской Правобережной Лесостепи в это время также возникает большое Плискачевское городище со слабонасыщенным культурным слоем [20, с. 59].

чиванию взаимоотношений с земледельческим населением, конструкция могил становится разнообразной и усложняется, а размеры увеличиваются.

Сегодня существует тезис о том, что в Днепро-Донской Лесостепи свою власть сохранили потомки номадов, которые появились в регионе в VII—VI вв. до н. э. [8, с. 126]. На это указывают характеристики многочисленных элитных могильников. Остается вопрос об их взаимоотношениях со скифами-царскими. На сегодня нет оснований говорить о полном подчинении лесостепных дружин степнякам, что подразумевало бы выплату дани скотом и принудительную воинскую повинность без участия в дележе добычи [52, с. 126]. Как показывают находки в лесостепных курганах, погребенные там воины участвовали в военных кампаниях степняков, но с той оговоркой, что они, безусловно, имели право на часть трофеев.

Изучение динамики изменений погребального обряда воинских захоронений Северного Причерноморья дает возможность несколько по иному отнестись к данной проблеме. На наш взгляд, важным просчетом является то, что отличия в погребальной обрядности Степи и Лесостепи рассматриваются в основном на примере захоронений IV в. до н. э. Мы считаем, что необходимо в первую очередь отыскать в V в. до н. э. причины формирования традиции сооружения различных типов погребальных сооружений. Важным отправным пунктом наших рассуждений будет тезис о том, что после значительных миграций конца первой трети V в. до н. э. в Северном Причерноморье кочевое население будет развиваться во второй половине V—IV вв. до н. э. на стабильной, уже местной основе. Данные завоеватели (Геродотовы царские скифы), заняли обширную территорию степи и лесостепи юга Восточной Европы, что надежно фиксируется появлением значительного количества новых дружинных некрополей. Время возведения новых могильников отстоит от массового строительства курганов раннескифского времени почти на 80 лет¹. Учитывая стремительный характер процесса и сходные его проявления (упадок поселенческой структуры земледельческого населения, появление целой серии новых категорий материальной культуры и черт погребального обряда, которые имеют часто и ритуальное предназначение или характер²), можно предположить, что новая орда скифов поделила территории. Это может объяснить особый характер взаимоотношений степняков и аристократических родов Лесостепи. Исходя из изначального родства (возможно, правители отдельных территорий происходят из одного царственного рода³) правителей Скифии и вождей Лесостепи и Нижнего Дона легко объяснить союзные отношения, синхронный рост благосостояния, идентичные атрибуты господствующего слоя и религиозные воззрения.

С данных позиций можно объяснить и различия в типах погребальных сооружений. Общеизвестно, что катакомбный обряд сразу же не возобладал у скифов в Степи в V в. до н. э. В это время известны различные типы погребальных сооружений. Принципиально важными являются курганы третьей четверти V в. до н. э. I Завадская и IV Испанова Могилы [55, с. 86]. При полной идентичности погребального обряда

¹ Непрерывное строительство курганов может быть отмечено лишь для бассейна Ворсклы и Сулы, где известны достаточно многочисленные захоронения второй половины VI — начала V вв. до н. э.

² Исследователи уже отмечали самые важные инновации, которые станут характеризовать скифский погребальный обряд V—IV вв. до н. э.: деревянные чаши с золотыми обивками, обычай вбивать оружие в дно или стены могилы, захоронение на разостланном доспехе, отдельные конские могилы.

³ Подобное предположение уже высказывал В. И. Гуляев [53, с. 151]. Тезис об «особых отношениях» местной (северскодонецкой) аристократии с представителями правящей династии Скифии, возможно, зря не стал развивать Л. И. Бабенко [34, с. 189]. А. М. Хазанов считает, что царский клан скифов, претендовавший на божественное происхождение, превратился в сословие, члены которого возглавляли отдельные подразделения кочевников [54, с. 191].

(ровик, отдельные конские могилы, золотые обивки от деревянных чаш), одно из них совершено в яме с деревянной столбовой гробницей, а второе — в катакомбе. Нам кажется, что ни у одного из исследователей не возникает сомнения в однокультурности погребений и их принадлежности скифам-царским.

Можно привести еще один яркий пример — курган № 6 у с. Каменная Балка в степном Побужье. Под одной насыпью было совершено два захоронения, судя по инвентарю, сооруженных, вероятно, в середине-третьей четверти V в. до н. э. (амфора круга Фасоса с раздутым горлом этого времени найдена во впускном погребении [56, с. 78, 282, табл. 53, 2]). Основное захоронение подростка было совершено в типичном подбое и окружено ровиком, а впускное, значительно более богатое захоронение, было произведено в большой подквадратной яме с деревянным перекрытием [57, с. 92].

Захоронение последней четверти V в. до н. э. под курганом № 1 Стеблевского некрополя в квадратной яме и сопровождающим погребением коней в отдельной могиле, как и весь могильник, правомерно были связаны С.А. Скорым со степными скифами — завоевателями Правобережной Лесостепи [6, с. 70]. Важно отметить, что стеблевский некрополь возник во второй четверти V в. до н. э., то есть его использование отделено от погребений раннескифского времени Правобережной Лесостепи 70–80 летним периодом. Погребальные традиции «стеблевцев» имеют мало общего с погребальной практикой VII — первой половины VI в. до н. э. Таким образом, продолжение использования «старого» типа погребального сооружения можно связывать со строительными традициями, стабильно проживавшего в регионе на протяжении всего скифского времени, лесостепного населения, которое в качестве одной из повинностей, вероятно, и создавало деревянные сооружения в могилах кочевников.

В Степи есть и другие яркие скифские захоронения V в. до н. э. в ямах у с. Новая Розановка, Каменная Балка, Аджиголь, Ковалевка в степном Побужье [38, с. 111, 198; 57, с. 92; 58, с. 133–150]. Поэтому есть все основания полагать, что отличия в типах погребальных сооружений сформировались у родственных родов скифов в конце V — начале IV вв. до н. э. при обособленном развитии и различиях в строительных традициях подчиненных племен. Это позволяет присоединиться к мнению тех исследователей, которые предполагают образование единого военно-политического объединения (Европейской Скифии) в конце первой трети V в. до н. э. [36, с. 16]

В подобном русле хорошо объяснима и ситуация с курганными могильниками Среднего Дона. Наиболее ранние захоронения в некрополе Частые Курганы возникли синхронно с аналогичными в северскодонецкой Лесостепи во второй четверти V в. до н. э.¹

Интересным является захоронение последней четверти V в. до н. э. у с. Малая Рогозянка в северскодонецкой Лесостепи. Здесь под одним дощатым настилом значительных размеров размещались камерное погребение знатного воина и сопровождающие захоронения в отдельных могилах «оруженосца»(?) и коня (рис. 3, 2) [61, с. 172]. Под

¹ А. П. Медведев считает древнейшим захоронением могилу в кургане № 8 Частых курганов и датирует ее на основании наконечников стрел, колчанной застежки и бронзовых жертвенных ножей концом VI — началом V вв. до н. э. [8, с. 97]. Уникальность датировки данного захоронения можно изменить двумя путями. Во-первых, следуя приведенной аналогии (курган у с. Огородное), погребение следует удреветить до первой половины VI в. до н. э. [59, с. 156] В таком случае данное захоронение станет в один ряд с курганом № 2 у с. Владимировка [8, с. 116, рис. 59, 6]. Во-вторых, можно найти аналогии колчанной застежке (форма не аналогична среднедонской, но важно само сочетание элементов погребального инвентаря), бронзовым ножам и стрелам в кургане I G Аджигольского могильника в Нижнем Побужье [60, р. 13] и «омолодить» датировку до второй четверти V в. до н. э. В таком случае курган № 8 станет синхронен целой группе захоронений данного могильника. Второй вариант нам представляется более вероятным, поскольку в его пользу говорит и датировка бронзовых ромбовидных и в виде свернувшегося в кольцо волкообразного хищника блях [50, с. 34].

одним бревенчатым настилом были совершены близкие по времени захоронения (основное, три конских и погребок) в кургане Близнаец-2 в Днепровском Надпорожье [62, с. 14–15]. Подобная традиция в несколько более раннее время широко представлена в Приуралье (Пятимары)¹ [63, табл. 2, 2, 3, 1–2, 4, 3]. Это позволяет очень осторожно предположить одну из исходных точек миграции части кочевого населения в V в. до н. э.

Несколько слов об этнокультурной истории населения юга Восточной Европы в V—IV вв. до н. э.

История Северного Причерноморья V—IV вв. до н. э. тесно связана с приходом новой кочевой орды в конце первой трети V в. до н. э. К середине данного столетия новыми хозяевами региона заселяются Степь и Лесостепь юга Восточной Европы. При этом земледельческое население (племена Лесостепи, греки) попадает под контроль кочевников. Именно с этого времени стоит говорить о начале образования единой Скифии на территории упомянутых выше регионов. Количество захоронений по сравнению с VI — началом V вв. до н. э. значительно возрастает. Впервые в Степи возникают элитные захоронения скифов. Сооружается и первый царский курган Солоха.

Территория юга Восточной Европы была разделена между родами кочевников в соответствии с их статусом. Царские скифы Геродота подчинили себе наиболее благоприятные земли Большого Луга. В конце V—IV вв. до н. э. обедневшие объединения скифов переходят в Нижнем Поднепровье к оседлости и начинают служить царственным сородичам, охраняя их пастбища. Отличительной, престижной традицией скифской элиты стал обряд захоронения в монументальных катакомбах, которые были связаны с посмертным путешествием в «доме мертвых», которым для кочевника при жизни была кибитка.

Представители менее знатных родов, вероятно, подчинили себе остатки родственного ираноязычного кочевника в Лесостепи, которые контролировали местное земледельческое население с VII—VI вв. до н. э. Погребальные сооружения периферийных элитных родов связаны с традициями и возможностями местного подчиненного населения. В Лесостепи продолжают использоваться деревянные камерные гробницы, в Крыму сооружаются сырцовые и каменные погребальные сооружения. Этнически и идеологически отдельные скифские племена были очень близки.

Полукочевые общины рядовых скифов проживали в менее благоприятных, по сравнению с Большим Лугом, землях, которые со всех сторон окружают ядро скифского раннегосударственного объединения. При необходимости ведения боевых действий все скифские племена Степи и Лесостепи объединяли свои силы, о чем свидетельствует синхронный рост благосостояния представителей элитных родов данных регионов. Единовременное исчезновение Скифии в конце IV в. до н. э. косвенно говорит о том, что скифские племена Степи и Лесостепи были вместе и в победе, и в поражении.

Ключевые слова: Степь, Лесостепь, скифы, курганы, взаимоотношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // ВССА. — М., 1954.
2. Погребова Н. Н. Состояние проблем скифо-сарматской археологии в конференции ИИМК АН СССР в 1952 году // ВССА. — М., 1954.

¹ На данные параллели мне указала С. С. Бессонова, которой я признателен за исчерпывающие консультации.

3. *Тереножкин А. И.* Скифская культура // ПСА. — М., 1971.
4. *Ростовцев М. И.* Эллинизм и иранство на юге России. — Петроград, 1918.
5. *Скорый С. А.* Про скифський етнокультурний компонент у населення Дніпровського Лісостепоного Правобережжя // Археологія. — 1987. — № 60.
6. *Скорый С. А.* Стеблев: скифский могильник в Поросье. — К., 1997.
7. *Скорый С. А.* Скифы в Днепроградской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). — К., 2003.
8. *Медведев А. П.* Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. — М., 1999.
9. *Бессонова С. С.* Український Лісостеп скифського часу. Історико-географічна ситуація // Археологія. — 1999. — № 1.
10. *Бессонова С. С.* Деякі закономірності розміщення пам'яток скифського часу в Українському Лівобережному Лісостепу // Археологія. — 2000. — № 2.
11. *Гречко Д. С.* Сіверськодонецька група пам'яток Лісостепу Східної Європи скифської доби. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — К., 2008.
12. *Ольховский В. С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII—III вв. до н. э.). — М., 1991.
13. *Андрух С. И.* Могильник Мамай-Гора. II. — Запорожье, 2001.
14. *Круц С. И.* Антропология Стеблёвского могильника (к вопросу о физическом типе населения Лесостепи в скифское время) // Скорый С. А. Стеблёв: скифский могильник в Поросье. — К., 1997.
15. *Кияшко А. В.* Некоторые вопросы генезиса и семантики катакомбного обряда эпохи средней бронзы Восточной Европы // Чтения, посвященные 100-летию деятельности в Государственном Историческом музее В. А. Городцова. — М., 2003. — Ч. 1.
16. *Гей А. Н.* Новотитаровская культура. — М., 2000.
17. *Бобринский А. А.* Исследования в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1907 году // ИАК. — 1910. — № 35.
18. *Гей А. Н.* О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. — М., 1999.
19. *Бессонова С. С.* Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкции идеологических представлений // Обряды и верования древнего населения Украины. — К., 1990.
20. *Петренко В. Г.* Культура племен Правобережного Среднего Поднепровья в IV—III вв. до н. э. // МИА. — 1961. — № 96.
21. *Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир. — Алматы, 2002.
22. *Гаврилюк Н. А.* История экономики Степной Скифии. VI—III вв. до н. э. — К., 1999.
23. *Коваленко А. Н.* Погребальные комплексы второй половины IV вв. до н. э. Елизаветинского могильника // РА. — 2008. — № 1.
24. *Синица В. С.* Погребальные комплексы скифской культуры конца VII — начала III вв. до н. э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2007.
25. *Ляшко С. Н., Попандопуло З. Х., Дровосекова О. В.* Курганные могильники Днепропровского Надпорожья (Ясиноватое, Днепровка, Петро-Михайловка). — Запорожье, 2004.
26. *Андрух С. И., Тощев Г. Н., Шахров Г. И.* Великознаменские курганы. — Запорожье, 1995.
27. *Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А.* Памятники скифской эпохи Днепропровского Лесостепного Правобережжя (Киево-Черкасский регион). — К., 1989.

28. *Бессонова С. С.* Курганы Лесостепного Побужья // Древности скифов. — К., 1994.
29. *Фиалко Е. Е.* Памятники скифской эпохи Приднепровской террасовой Лесостепи. — К., 1994.
30. *Гречко Д. С.* Скифские захоронения конца V—IV вв. до н. э. северскодонецкой Лесостепи // Эпоха раннего железа. — К., 2009.
31. *Ольховский В. С.* Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным // СА. — 1978. — № 4.
32. *Максименков Г. А.* Погребальные памятники эпохи бронзы Минусинской котловины — источник изучения семейных и общественных отношений // Бронзовый и железный век Сибири. — Новосибирск, 1974.
33. *Швецов М. А.* Погребальный обряд и этнос (по материалам раннего средневековья) // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. — Луганск, 1990.
34. *Бабенко А. И.* Песочинский курганный могильник скифского времени. — Х., 2005.
35. *Окатынко В. М., Буйнов Ю. В.* Курган з похованнями скіфського типу біля Старого Мерчика // Археологія. — 2010. — № 1.
36. *Гуляев В. И.* Погребальный обряд как этноисторический источник (по материалам среднедонских курганов скифского времени) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. — М., 2009.
37. *Могилов О. Д.* Спорядження коня скіфської доби у східноєвропейському Лісостепу. — К.; Кам'янець-Подільський, 2008.
38. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. — К., 1983.
39. *Багалец Д. И.* Раскопки курганов в Валковском и Богодуховском уездах Харьковской губернии летом 1903 г. // Труды XIII Археологического съезда. — М., 1907. — Т. 1.
40. *Данилевич В. Е.* Раскопки курганов около хутора Покровского, Валковского уезда Харьковской губернии летом 1903 г. // Труды Московского предварительного комитета по устройству XIII Археологического съезда. — М., 1908. — Вып. 2.
41. *Мурзин В. Ю., Ролле Р., Скорий С. А.* Дослідження курганів на території Більського городища // ПАЗ. — Полтава, 1995. — Вып. 3.
42. *Медведев А. П.* Раскопки Староживотинного могильника скифского времени // Верхнедонской археологический сборник. — Липецк, 2001. — Вып. 2.
43. *Березуцкий В. Д., Разуваев Ю. Д.* Курганный могильник скифского времени у хут. Дубовой на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг. — М., 2004.
44. *Мухомад С. Е.* Расписная родосско-ионийская амфора из кургана у села Шандровка в Приорелье // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. — Днепропетровск, 1988.
45. *Шрамко Б. А.* Была ли Лесостепь завоевана скифами // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. — Полтава, 1990.
46. *Виноградов Ю. Г., Доманский Я. В., Марченко К. К.* Развитие взаимоотношений местного населения Северного Причерноморья с греческим миром в VII—VI в. до н. э. // Местные этнополитические объединения Северного Причерноморья. — Тбилиси, 1988.
47. *Виноградов Ю. А., Марченко К. К.* Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации // СА. — 1991. — № 3.
48. *Гречко Д. С.* Исследования памятников скифского времени у сел Протопоповка и Циркуны на Харьковщине // АДУ 2004–2005. — К.; Запоріжжя, 2006.

49. *Гречко Д. С.* К вопросу о функциональном назначении зольников северскодонецкой группы памятников скифского времени // ВХУ. — 2006. — № 728: История. — Вып. 38.
50. *Замятнин С. Н.* Скифский могильник «Частые Курганы» под Воронежем // СА. — 1946. — Т. VIII.
51. *Пузикова А. И.* Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья: (публикация комплексов). — М., 2001.
52. *Тортика А. А.* Северо-западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. — Х., 2006.
53. *Гуляев В. И.* Об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона в V—IV вв. до н. э. // Скифы и сарматы в VII—III вв. до н. э. — М., 2000.
54. *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. — М., 1975.
55. *Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.) // Скифия и Кавказ. — К., 1980.
56. *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. — М.; Саратов, 2003.
57. *Шапошникова О. Г., Фоменко В. М., Балушкин А. М.* Отчет о работе Ингульской экспедиции в 1976 г. // НА ИА НАНУ. — 1976/7.
58. *Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П.* Скифские курганы у С. Ковалевка // Курганы на Южном Буге. — К., 1978.
59. *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э. — СПб., 2003.
60. *Ebert M.* Ausgrabungen auf Dem Gute Maritzyn // Praehistorische Zeitschrift. — Bd. 5. — Leipzig, 1913.
61. *Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В.* Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант). — К., 2000.
62. *Ромашко В. А., Скорый С. А.* Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском правобережном Надпорожье. — Днепрпетровск, 2009.
63. *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. — М., 1963. — Вып. Д1–9.
64. *Аксёнов В. С., Бабенко Л. I.* Похоронения IV ст. до н. э. поблизу снт. Коротич // АДУ 2005–2007. — К.; Запоріжжя, 2007.
65. *Шрамко Б. А., Бойко Ю. Н.* Раскопки курганов и майданов в бассейне р. Мерла // ВХУ. — 1988. — № 316: История. — Вып. 22.

Резюме

Гречко Д. С. До питання про взаємовідносини населення Степу та Лісостепу півдня Східної Європи наприкінці V—IV ст. до н. е.

Історія Північного Причорномор'я V—IV ст. до н. е. тісно пов'язана з появою нової кочової орди наприкінці першої третини V ст. до н. е. До середини цього століття новими господарями регіону залюднюються Степ і Лісостеп півдня Східної Європи. Територія півдня Східної Європи була розділена між родами кочовиків відповідно до їх статусу. Характерною, престижною традицією скіфської еліти став обряд поховання в монументальних катакомбах, які були пов'язані з посмертною подорожжю у «будинку мертвих», яким для кочівника за життя була кибитка. Представники менш знатних родів, ймовірно, підпорядкували собі залишки споріднених іраномовних кочовиків у Лісостепу, які контролювали місцеве землеробське населення з VII—VI ст. до н. е. Поховальні споруди периферійних елітних родів пов'язані

з традиціями і можливостями місцевого підлеглого населення. У Лісостепу продовжують використовуватися дерев'яні камерні гробниці, у Криму споруджуються сирцеві і кам'яні поховальні споруди.

Ключові слова: Степ, Лісостеп, скіфи, кургани, взаємовідносини.

Summary

D. Grechko. On the Issue of the Relationships of the Population Inhabited the Steppe and Forest Steppe of the South of Eastern Europe in the End of V—IV cen. BC

The history of the North black Sea region of V—IV cen. BC is tightly connected with the coming of a new nomadic horde in the end of the one third of V cen. BC. By the middle of the mentioned century, the steppe and forest-steppe zones of the South of Eastern Europe were inhabited by new residents. The South territory of Eastern Europe was divided between the nomadic clans in accordance with their social status. The ceremony of burial in monumental catacombs became the distinguished and prestigious tradition of the Scythian elite. These catacombs were associated with the posthumous journey in a so called “dead house” presented by a kubitka that served a nomad during the lifetime.

The representatives of the less noble clans, probably, subordinated the rest of Iranian-speaking nomads to them. These nomads lived in the forest steppe zone, and controlled the local agricultural population since VII—VI cen. BC. The presence of the burial constructions of the peripheral elite clans could be explained by the traditions and possibilities of the local subordinated population. However, wooden small-scale sepulchers were still in use in the forest steppe zone; in Crimea, abode and stone burial constructions were widely used. Separate Scythian tribes were very close to one another ethnically and ideologically.

Key words: steppe, forest-steppe, Scythians, barrows, relationships.

